

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

СВЯТЫЕ
ОКОПЫ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Святые окопы

«Автор»

2014

Самаров С. В.

Святые окопы / С. В. Самаров — «Автор», 2014 — (Спецназ ГРУ)

В Главное разведывательное управление поступила информация, согласно которой в одном из отдаленных ущелий на территории Дагестана бандитами организован схрон оружия и боеприпасов. В горы срочно выдвигается отряд старшего лейтенанта Владислава Старицына. Бойцы обнаруживают схрон, а в нем ни много ни мало пятьсот килограммов пластиковой взрывчатки и около шести миллионов долларов США. По приказу начальства спецназовцы организуют засаду, чтобы выяснить, кому принадлежит все это «добро». Хозяин денег и взрывчатки объявляется через несколько дней. Но приходит он не один, а в сопровождении двухсот вооруженных до зубов наемников...

© Самаров С. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава первая	16
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Самаров

Святые окопы

Пролог

Пуля ударилась в камень рядом с головой. Две другие ушли левее и намного выше. Видимо, автомат у стреляющего был без хорошего компенсатора, сильно его бросало. Но это старший лейтенант спецназа ГРУ Владислав Григорьевич Старицын смог оценить уже после того, как упал на землю и вжался в нее. Но и упал он так, чтобы видеть все, не поднимая голову. И тут же дал общую команду своему взводу:

– Ложись!

Команда, впрочем, слегка запоздала, потому что очередь слышали все, большинство наверняка увидели и место, куда попали пули, вот сразу и залегли. Сказалась выучка взвода, на семьдесят процентов состоящего из солдат-контрактников, уже прошедших не одну боевую операцию. И опыт позволил солдатам сразу определить место, откуда стреляли. Их ответных очередей слышно не было, потому что автоматы 9А91 были снабжены качественными глушителями, допускающими лишь негромкое стрекотание. Но из камней в устье ущелья, откуда раздалась бандитская очередь, полетела пыль, выбиваемая многочисленными пулями. Стрелку лежать бы, спрятавшись за камни, но нервы у него не выдержали, он вскочил и тут же свалился, отлетев метра на три. Одна пуля, попав в бронежилет, в состоянии свалить человека, оказавшегося в неустойчивом положении. А когда стреляют двадцать восемь стволов одновременно и пули попадают не в бронежилет, а в тело человека, его сразу бросает в сторону. Вернее, уже не человека, а только то, что от него осталось.

В старшего лейтенанта стрелял только один автоматчик, но среди тех камней мог и еще кто-то оказаться, поэтому Старицын поднимался осторожно, готовый снова упасть и спрятаться. Но новой очереди не последовало. Видимо, бандит действительно был один. Сразу после старшего лейтенанта поднялись и солдаты.

– Посмотреть? – спросил старший сержант контрактной службы Ломаченко, заместитель командира взвода.

– Трех пошли...

Старший сержант отдал распоряжение знаками, и трое солдат бегом, перескакивая с валуна на валун длинными прыжками, устремились в сторону убитого бандита. А сам Ломаченко снова повернулся к командиру взвода:

– Вы как, товарищ старший лейтенант?

Владислав Григорьевич попробовал пошевелить плечом и поморщился от острой боли. И все же хватило сил пошутить:

– По радио на прошлой неделе передавали, что выживу.

Сорок минут назад, во время боя, пуля навывлет пробила старшему лейтенанту ключицу и трапециевидную мышцу спины. Ранение не страшное, хотя и неприятное. Видимо, в ключице вырван целый участок кости, долго будет зарастать. Рука при этом практически действовать не будет, да и глубоко дышать невозможно. Пробитая пулей трапециевидная мышца спины особо не беспокоила. Мягкие ткани в возрасте старшего лейтенанта легко затягиваются и быстро восстанавливаются. С ключицей же без госпиталя, пожалуй, не обойтись. Хотя до него еще предстоит добраться, а это не так просто, надо будет прорываться через бандитское окружение. Но само понятие прорыва подразумевает бег с одновременной стрельбой. А с этим ранением и бегать, и стрелять одинаково сложно.

Перевязку командиру взвода делал штатный взводный санинструктор ефрейтор Андрей Сапожников. Поскольку для того, чтобы наложить бинт, пришлось бы весь корпус перематывать, а на это бинтов во всем взводе не хватило бы, учитывая богатырские габариты старшего лейтенанта, ефрейтор Сапожников обработал входное и выходное отверстия пули хлоргексидином, края ран смазал йодом, наложил тампоны и заклеил их пластырем. Пластырь и не мешал так, как мешал бы бинт. И со стороны даже трудно было сказать, что Старицын ранен, если бы не кровь на одежде, бронежилете и «разгрузке». Но кровь с тела санинструктор стер тем же хлоргексидином.

Посланные старшим сержантом солдаты вернулись и протянули командиру взвода пакет с документами, письмами и деньгами – все, что было у убитого. Владислав Григорьевич раскрыл паспорт. Надписи в нем были сделаны на незнакомом языке, но герб Азербайджана явственно показывал, гражданину какой страны принадлежал паспорт. Азербайджанцы среди дагестанских бандитов встречались редко, а если и встречались, то это были, как правило, преступники, находящиеся у себя на родине в розыске.

– Уголовник? – спросил старший лейтенант.

– «Расписной» весь, – сказал один из солдат. – Руки все наколоты.

– Надо с вами курс по татуировкам провести. Татуировки тоже следует уметь читать, – сказал Старицын и поднялся. – Вацземниекс!

Младший сержант Вацземниекс, командир второго отделения, тут же подбежал к нему:

– Я!

– Что со связью, Эдуард?

– По-прежнему, товарищ старший лейтенант, тишина. У меня вообще такое ощущение, что они где-то поблизости «глушилку» мощную поставили. Потому и пробиться не можем.

– Мощную «глушилку»... Для мощной «глушилки» какое питание нужно? Где они электричество возьмут? Здесь кругом горы...

– Есть такие, с радиусом до двух километров. Питание от автомобильного аккумулятора. Сама размером с два аккумулятора. Выставят, и все – нет связи. А занести куда-то на склон ее нетрудно. А вот найти тем, кто не знает, – сложно, разве что тепловизором. Мы в прошлом году в Карачаево-Черкесии искали, когда вы в отпуске были. С нами снайпер из ФСБ был, у него винтовка финская с тепловизорным прицелом. Нашел он аккумулятор через тепловизор, аккуратно прострелил, вся кислота вытекла, аккумулятор сдох, «глушилка» заглохла. Через пять минут после выстрела связь восстановилась.

Связь рядом с ущельем была еще вчера утром, когда начиналась операция, запланированная всего на несколько часов. Обыкновенная сотовая связь, которой все вокруг постоянно пользовались, в том числе и федеральные силы. В последнее время вообще перестали брать с собой на операции радиисты с рацией. Все-таки радиисты, как правило, имеют худшую в сравнении с простыми солдатами боевую подготовку, да и рация весит немало, потаскай-ка такую по горам. И, главное, зачем, если можно обойтись простой трубкой сотовой связи. Вышки сотовых операторов бандиты не трогали. Они сами сотовой связью пользовались. Но почти сразу после того, как старший лейтенант Старицын доложил в оперативный штаб Антитеррористического комитета о выполнении задания, связь вдруг прекратилась. Задача взводу ставилась достаточно простая и, можно сказать, стандартная. Было точно указано ущелье, в котором находился бандитский «схрон» с оружием. Следовало этот «схрон» отыскать и уничтожить взрывным устройством. Причем сразу оговаривалось, что бандитов в это время в ущелье не будет. Банда находилась, согласно разведанным ФСБ, на своей основной зимней базе в семидесяти километрах от места проведения операции. Ею предстояло заняться чуть позже составом, усиленным дополнительным взводом спецназа ГРУ и двумя отдельными отрядами – спецназа ФСБ и спецназа внутренних войск, что обеспечивало пятикратное преимущество над противником.

Все складывалось благополучно и не обещало проблем. Грузовик в сопровождении БМП высадил взвод в предгорьях, на последней точке, куда могла добраться техника. Дальше предстояло двое суток добираться пешком. Добрались, вошли в ущелье. Старший лейтенант Старицын все же был офицером опытным, и давно уже поговаривали, что ему уже можно доверить роту, и потому в ущелье взвод вступал не строем и не толпой, а боевым порядком. В этом взводе повезло. Авангард разведчиков, состоящий из двух пулеметчиков и одного автоматчика, первым заметил бандитов и вернулся к взводу, не вступая в бой и оставшись незамеченным. Бандитов было шестеро. Не выполнить задание и вернуться восвояси только потому, что в ущелье шестеро бандитов, хотя их там быть не должно, – это вообще не в правилах спецназа. А вот атаковать бандитов там, где их обнаружат, это как раз для него. Доложив по телефону ситуацию своему командованию, поскольку дозвониться в оперативный штаб сразу не удалось, командир взвода сам выдвинулся вперед, возглавив одно отделение, другое отделение отправил к противоположному склону ущелья, а третье оставил во главе со старшим сержантом Ломаченко в прикрытие. Причем отдал приказ контролировать обе стороны – и вход, и выход из ущелья, если пришли сюда эти шестеро, могут прийти и другие шестеро, и даже больше, чем шестеро. В последнее время по какой-то причине резко возросло и количество банд, и количество бандитов в бандах. Вообще-то эта причина уже оглашалась на разных уровнях и даже была официально подтверждена в нескольких операциях, но должной политической оценки пока не получила. А дело было в том, что «Аль-Каида» после неудачных действий в Сирии решила перебросить большую часть своих отрядов на территорию бывшего СССР, в том числе и в Россию. Изначально банды бойцов «Аль-Каиды» большим составом выходили к российской границе с территории Грузии и Азербайджана. Было предпринято несколько масштабных попыток не просто перехода границы, а, по сути дела, вторжения, но они были пресечены, и только незначительные мелкие группы смогли прорваться с большими потерями. После этого «Аль-Каида» изменила тактику, и границу стали переходить небольшими незаметными группами, которые потом уже, на территории северокавказских республик России, сливались в банды или пополняли своим составом другие банды, уже существующие.

При входе в ущелье решили не показывать себя противнику до тех пор, пока он сам не обнаружит опасность, и только потом атаковать. А для этого у спецназа ГРУ имелось собственное оружие, так не любимое солдатами на тренировках. Ползать скрытно их учили чуть ли не больше, чем ходить пешком. В первые месяцы службы каждый солдат спецназа ГРУ зарабатывает себе на локтях и на коленях жесткие мозоли, которые проходят только через полгода, если проходят вообще.

Еще в самом начале службы, до принятия присяги, когда будущие спецназовцы только прошли «курс молодого бойца», комбат говорил им:

– За год, который вы служите, сделать из вас настоящих спецназовцев невозможно. Раньше, когда служили сначала три года, а потом и два, времени на подготовку тоже не хватало. Нужно как минимум пять лет, чтобы сделать даже из спортивно подготовленного парня спецназовца. Но по пять лет у нас в армии призывники не служат. И потому я вам сразу скажу, что основную ударную силу спецназа составляют контрактники. Вы же при них – только помощники. Сначала вам служба раем не покажется. Это я вам со всей ответственностью обещаю. Не казалась она раем и сегодняшним контрактникам. Но они учились, приобретали навыки, зарабатывали мозоли, и сейчас многие из них кое на что способны. Не все еще, но многие. Мозоли вы все будете зарабатывать. А когда они начнут проходить, хотя работа ваша останется прежней, вы будете уже кандидатами в спецназовцы. И я надеюсь, что стать настоящими спецназовцами вы все же захотите...

Контрактники, без сомнения, и были ударной силой. Даже во взводе это было заметно. Именно на них, в основном на их опыт и боевые навыки, опирался старший лейтенант Стари-

цын. И при входе в ущелье контрактники тоже поползли первыми. Без суеты, но и без задержки. Солдаты срочной службы, которых было меньшинство, ползли позади контрактников, стараясь не отстать от них, и точно так же, как их более опытные и старшие товарищи, были неслышными и невидимыми.

Бандиты сидели у костра, над которым висел котел, а в нем булькала какая-то жирная похлебка, сильно пахнувшая бараниной. Запах распространялся по ущелью далеко, и он, видимо, мешал самим бандитам проявлять естественную бдительность. Они даже часового не выставили, надеясь на то, что в этих отдаленных от всякого жилья горах никакой угрозы нет. Ее по большому счету и не должно было быть, если бы не случайное появление здесь взвода спецназа. Но при этом бандиты сами себя считали серьезной угрозой и потому, как часто бывает, поплатились за самоуверенность. Возглавляемое старшим лейтенантом Старицыным отделение подползло за камнями на десяток шагов, бандитов по молчаливому жесту командира взвода «разобрали по прицелам», и только после этого сам Владислав Григорьевич встал и шагнул к костру.

– Приятного аппетита! – сказал он. – Как вкусно пахнет...

Растерявшиеся бандиты вскочили на ноги, глядя на старлея испуганными глазами. Они не понимали ситуацию. Только, похоже, один эмир банды смотрел спокойно и даже насмешливо.

– Ты за свой смерть пришел, офицер, – проговорил он.

– Извини, друг, я тебе и твоим парням смерть принес. Думал вот только, испортить вам аппетит или дать съесть это варево? Потом решил, что покойникам вообще не положено о еде думать. Так же, как и кандидатам в покойники. И зачем добро переводить? Моим солдатам горячего тоже хочется, извини уж. А котел у вас громадный, на всех хватит...

– Твоим солдатам? – Бандит посмотрел по сторонам. – На «пушка» берешь? Солдат у тебя нет, а ты на запах пришел. Я тебя понимаю. Голодный всегда на запах идет. Сейчас я тебя угощу... – В руках эмира вдруг оказалась граната, и он, не срывая кольца, просто с силой запустил ее в голову старшему лейтенанту.

Владислав Григорьевич легко отклонился, и граната, пролетев мимо, покатила по камням и застряла между ними, не взорвавшись. Она и не могла взорваться. Несмотря на скорость полета тяжелой гранаты, Владислав Григорьевич успел рассмотреть, что она не зеленого, а черного цвета, и кажется, даже увидел крестообразные белые полосы на корпусе¹.

– Подай мне гранату, – потребовал бандит. – Я вижу, ты не трус. За это я тебя накормлю. Бандиты дружно засмеялись.

– Веселые ребята! Смейтесь... Сейчас вам будет еще веселее, – сказал старший лейтенант и дал отмашку рукой: – Огонь!

Никто не успел понять, что произошло, когда тяжелые девятимиллиметровые пули почти без звука стали валить их. Двое даже упали в костер. Старший лейтенант сам, не дожидаясь солдатской помощи, вытащил из пламени то, что от них осталось, и приказал Вацземниексу:

– Документы у них посмотри.

Второе отделение приближалось от другого склона, уже понимая, что их помощь здесь не нужна, командир взвода со своим отделением с задачей справился так успешно, что даже боя не получилось.

А старший лейтенант пошел к откинутой крышке «норы» на пологой нижней части склона. Искать «схрон» теперь не придется, бандиты сами показали его местонахождение. Заглянув туда, Старицын убедился, что не ошибся. Это был склад оружия и боеприпасов.

Эдик Вацземниекс принес собранные документы и бумаги, и старший лейтенант начал их просматривать.

¹ Маркировка учебно-имитационных гранат. (Здесь и далее прим. автора.)

– Два россиянина, два пакистанца, два саудовца. Чеченец... Тоже чеченец... Что же они в Чечню не пошли? Почему в Дагестан пришли? Идут, как я полагаю, со стороны границы...

– Может, они этих встречали и должны были их в Чечню доставить? – предположил младший сержант Вацземниекс, кивнув в сторону убитых, но имея в виду арабов.

– А что мы, гадать будем, что ли? Ты, Эдик, займись котлом. Нашим парням тоже горячего хочется. Посмотри, когда сварится. Жулудков!

– Я, товарищ старший лейтенант, – подскочил к командиру взвода ефрейтор Жулудков, взводный сапер.

– Обычно бандиты свои лабазы минируют. Посмотри. Если заминировано, можно их взрывным устройством обойтись. Не заминировано – заминируй. Взрывать будем после обеда.

Но пообедать взводу не дали. Со стороны устья ущелья послышалась стрельба. Кто-то еще сюда пожаловал. Стреляли, видимо, в охранение спецназа, потому что спецназовские автоматы с глушителем с расстояния в шестьдесят метров вообще невозможно было услышать.

– Немцы были правы, – скучно сказал старший лейтенант. – «Война войной, а обед по расписанию». Местные парни не уважают немецкие традиции, а зря, мне кажется. Жулудков, продолжай работу. Вацземниекс, снимай котел, если готово, а то все выкипит. Остальные – за мной...

И командир взвода первым запрыгал по камням, направляясь на помощь своим солдатам. Другие солдаты устремились за ним.

Но к моменту соединения с последним отделением взвода события около устья ущелья уже завершились, и стрельба прекратилась. Среди камней лежало шестеро бандитов. Все получили по несколько пуль и признаков жизни уже не подавали. Но командир не видел, чтобы его солдаты носили тела, он вообще смысла в переноске тел не видел.

– Зачем ты их сюда притащил? – спросил Старицын старшего сержанта Ломаченко, как раз обыскивавшего убитых.

– Я не приказывал, товарищ старший лейтенант, они сами сюда пришли. Мы их из-за поворота заметили. Позволили войти, а здесь, на месте, в упор положили.

– Эх, Леха, куда торопишься... Можно было хотя бы парочку для собеседования оставить. Сначала я поторопился, теперь и ты. Но у тебя ситуация лучше была.

– Хуже, товарищ старший лейтенант. Вслед за первыми еще шестеро шли. Этих уже запускать было нельзя, они увидели бы первых, потому мы уже на входе начали стрелять. Они среагировали, даже отстреливаться начали. Там они лежат... – кивнул старший сержант за камни и протянул командиру взвода стопку бумаг, денег и документов.

– Восемнадцать человек! Большая банда, – покачал головой Старицын. – Одного не пойму, почему все собираются в это ущелье?

– У последней группы было всего четыре автомата. У первой, нашей первой, – пять на шестерых. Наверное, за оружием пришли.

– Честно говоря, не посмотрел, сколько автоматов у нашей группы. Но они могли уже и вооружиться. «Схрон» открыт. Посмотрим, что за люди...

Солдат третьего отделения принес документы и бумаги убитых у входа в ущелье.

– Вторая шестерка... Один дагестанец, остальные арабы. Четверо из Египта, один – иорданец. Третья шестерка... Один балкарец, остальные пакистанцы. Да, это, скорее всего, отряд из Сирии. Пробирается частями. Но в Сирии банды были большие, в несколько сотен человек, как мне говорили. Боюсь, следует еще гостей ждать. Не сегодня, так завтра. Ломаченко, занесите убитых в ущелье, чтобы их издали видно не было. Может, еще кто на подходе.

– Если кто на подходе, должны были стрельбу слышать. Все равно насторожатся.

– Здесь их и встретим. Вацземниекс, занимай со своими позицию. Мы пообедаем, тебя сменят, потом будем взрывать «нору»... – Старлей замолчал, увидев приближавшегося сапера ефрейтора Жулудкова, а когда тот подошел, спросил:

– Как там дела?

– «Схрон» был заминирован. Видимо, *эти* знали, как ловушку снять. Сняли без проблем. Я новую установил. Там взрывчатки чуть ли не полтонны. Оружия, боеприпасов много, еще всякого, я даже не посмотрел чего. Медикаменты разные... Но, думаю, уже не доберутся. Камни с крышки начнут снимать, сразу себе на гроб крышку положат. Я напрямую соединил взрыватели с камнями. Только нам лучше уйти подальше, взрыв будет мощным. Возможен горный обвал.

– Но пообедать-то рядом можно? – спросил Вацземниекс.

– Если в «схрон» не соваться, приятного всем аппетита... Мне бы тоже... Только рядом с убитыми я аппетит обычно теряю. Даже при таком аромате... – Младший сержант потянул носом. Запах вареной баранины ветром выносился из ущелья.

В оперативный штаб Антитеррористического комитета опять не удалось дозвониться. Казалось, что там не желали брать трубку, поскольку не бывает такого, чтобы там даже дежурного не оставалось. Там и помимо него всегда полно военных и силовиков. Но длинные гудки следовали после каждого набора номера. Наверное, были какие-то неполадки в системе связи. Пришлось опять звонить к себе в отряд и через штаб отряда передавать сведения в оперативный штаб, который и направил взвод спецназа в это ущелье. Начальник штаба отряда подполковник Кириллов очень удивился появлению бандитов в ущелье и еще больше удивился тому, что их там оказалось так много и что подавляющее большинство бандитов – наемники из арабских стран. Обычно наемников считают единицами, и никогда их не бывает больше, чем местных.

– Что-то, видимо, изменилось в обстановке. Тебе, Владислав Григорьевич, дополнительная забота. Нужно понять, что именно происходит. Для всех для нас понять. Ты же военный разведчик, должен разобраться.

– Постараюсь, товарищ подполковник. Извините, мне знаки делают. Похоже, еще бандиты идут. Будем разбираться...

– Работай. Про мою просьбу не забудь...

Просьба командира, хотя и называется просьбой, всегда есть приказ. Это Старицын давно усвоил. И потому ответил коротко:

– Так точно. Работаю. Постараюсь выяснить.

– До связи. Сообщай...

– До связи, товарищ подполковник.

Старший лейтенант убрал трубку, перебрал из руки в руку свой короткий автомат, удлинённый только тяжелым глушителем, и поспешил к устью ущелья, где Ломаченко уже расставлял солдат по позициям. Замысел старшего сержанта стал понятен сразу. Здесь, на месте, находился сейчас весь взвод. И, учитывая тесноту пространства и узость прохода, сил хватало для отражения даже самой мощной атаки. Но от мощных бандитских атак спецназ уже отвык. В последние годы банды чаще встречались мелкие, численностью в три, от силы в шесть человек. Но это не значило, что больших банд уже не существовало. Время от времени мелкие банды объединялись для проведения какой-то серьезной акции, и тогда им необходимо было противопоставлять умелую организацию и профессиональные военные знания. Да и сами по себе крупные никуда не делись. Они только проводили акции небольшим, не сразу заметным составом. Когда передвигается крупная банда, ее легко заметить и блокировать, а маленькую группу заметить и выделить трудно. А блокировать приходится уже после того, как бандиты каким-то образом «отметятся» и прольют чью-то кровь.

Старший сержант расставлял солдат так, чтобы они смогли пропустить бандитов в проход и там расстрелять с трех сторон. Но замысел заместителя командира взвода разрушил младший сержант Вацземниекс. Он осторожно выглянул за камни, чтобы узнать, далеко ли бандиты, и тут же вернулся к командиру взвода с сообщением:

– Две группы по шесть человек идут. С одной и с другой стороны. Правая будет здесь через пять минут, левая минуты на три позже.

– Мне пленный нужен, – вовремя вспомнил командир взвода просьбу-приказ начальника штаба отряда. – Иностранцы по-русски имеют полное законное право не говорить. Постарайтесь выделить того, кто разговаривает по-русски. По сколько человек в группах?

– Для местного ущелья уже установлен стандарт, товарищ старший лейтенант. По шесть человек в каждой группе.

– Первую группу уничтожаем полностью. Вторую пытаемся заблокировать. Можно ополовинить состав. Трех человек для допроса хватит. Стреляем по ногам. Множественные ранения – никуда не уйдут.

Солдаты заняли позицию, попрятались каждый за своим камнем, из которых, по сути дела, и состоял невысокий склон. Получилось так, что позиция спецназа была на два, а местами и на три метра выше тропы, по которой должны были пройти бандиты. Это исключало попадание в своих. Кроме того, стрелять сверху вниз всегда удобнее, чем снизу вверх.

Младший сержант Вацземниекс раздувал ноздри своего крупного прибалтийского носа и «подпыхивался» запахом вареной баранины, который ветер доносил до позиции. Видимо, на этот же запах и бандиты собирались. Старший лейтенант Старицын устроился так, чтобы ему видно было между камнями часть тропы в десяти метрах от входа в ущелье. Когда бандиты показались в этом «окошке», Владислав Григорьевич поднялся, положил автомат на камень и скомандовал:

– Огонь!

С пятиметровой дистанции трудно было промахнуться. Группа из шести бандитов была уничтожена за две секунды, и никто из них не успел даже оружие с плеча снять. Еще тридцать секунд ушло на то, чтобы оттащить трупы с тропы и забросить их выше, за камни. Но все делалось аккуратно – ни одна железяка не звякнула, ни одна обессиленная рука из-за камня не выглядывала, – чтобы вторая группа ничего не услышала и ничего не заподозрила, и шли бы бандиты, как их предшественники, без всякого опасения. Они так и шли. И даже спешили, потому что появились с опозданием не на три, а только на две минуты. Но это их не спасло. Солдаты уже все подготовили и снова заняли свои позиции.

Владислав Григорьевич, глядя в то же самое «окно», что и с первой группой, ждал, когда покажется вторая, но она почему-то задерживалась. Все допустимое время вышло, и Старицын понял, что происходит. Бандиты увидели на земле кровь. Кровь в мерзлую землю впитаться не успела, а убрать ее времени не было.

Но командир взвода спохватился вовремя.

– Они уходят! – крикнул он. – Огонь! – и поднялся первым, как полагается командиру, отыскивая глазами банду. Он смотрел как раз туда, куда и требовалось – на выход из ущелья, даже успел дать очередь, прежде чем его самого достала и сбила с ног пуля. Этого хватило, чтобы солдаты забыли про необходимость захватить пленников. Автоматы с глушителями слабо стрекотали, но проход был слишком узкий, и задние прикрывали своими спинами передних. Два бандита все же смогли выскочить и убежать. Но, когда спецназовцы прыгнули с камней на тропу и выскочили из ущелья, бандиты исчезли, россыпи скал давали им возможность спрятаться. А чтобы найти кого-то среди скал, требовались, по крайней мере, рота солдат и сутки поиска. Можно было, конечно, поискать следы, но на камнях следов не видно, а снег в горах еще не выпал.

Кроме того, старший лейтенант Старицын не знал, сколько всего бандитов может подойти и когда они подойдут, если подойдут вообще, и потому не желал ни распылять свои силы, ни подставлять под возможный удар свои поисковые группы.

Откуда вообще шли бандиты? Это был важный вопрос, но ответ можно было узнать, только взяв «языка» и допросив его. Но командир знал, какими сложными могут быть допросы с этими выходцами с Кавказа или арабских стран. Народ они фанатичный и несговорчивый и смерти не боятся, так что никакой гарантии к прояснению ситуации это не даст. Проще и надежнее проследить логическую цепочку событий, чтобы попытаться понять их.

Посмотрев на свою трубку, старший лейтенант Старицын стал звонить начальнику штаба своего отряда подполковнику Кириллову. Доложил ему о сложившейся ситуации и о своем ранении, а также попросил добыть для себя некоторые сведения.

Во-первых, командира взвода интересовала информация о хозяевах «схрона», вокруг которого разворачиваются все события. Что это за банда, каков ее численный состав, какой профессиональный состав. Второе было наиболее важно, потому что громадное количество взрывчатки предполагало ее активное использование. Значит, должен быть в банде опытный подрывник, и даже не один. Для одного подрывника, даже совсем молодого, этой взрывчатки хватит на три жизни. Во-вторых, Владислав Григорьевич попросил выяснить, насколько это возможно, не было ли минувшей ночью замечено переходов границы. Скорее всего, следовало запрашивать пограничников на российско-грузинской границе, но нельзя исключить и российско-азербайджанскую, поскольку карта показывала возможность прохода и оттуда через сквозные ущелья к «схрону». Однако с грузинской стороны путь был прямым и более коротким.

– Сам-то как, Владислав Григорьевич? – спросил начальник штаба.

– Не скажу, что нормально, но терпеть можно. Вот и терплю.

– Помощь пока никакая не нужна?

– Обходимся своими силами. Только вот заряд аккумулятора в трубке кончается, в следующий раз смогу связаться с вами из ближайшего населенного пункта.

– От тебя до ближайшего населенного пункта семьдесят километров по зимним горам. Это не прогулка. Лучше выходи к дороге и останови любую машину. Или трубку подзарядишь, или чужой трубкой воспользуешься. Движение по дорогам все же есть. Я тогда сразу транспорт за тобой вышлю.

– До дороги, товарищ подполковник, тоже двое суток добираться.

– Я не знаю обстановку, но по карте вижу, что до населенного пункта путь труднее, хотя и короче. Ладно. Сам ориентируйся. Не будем заряд трубки расходовать. Если у тебя все, тогда до связи...

– До связи, товарищ подполковник...

«Подобное притягивается подобным», – написал когда-то древний мудрец Гермес Трисмегист в своих «Изумрудных скрижалях». Видимо, потому один из двух убежавших бандитов вернулся и пытался подстрелить уже раненого командира взвода. Одна пуля старшего лейтенанта нашла и притянула следующую очередь. Хорошо, что бандит торопился и не сумел как следует прицелиться. Но второго сбежавшего найти не удалось. Тем не менее очереди и от него следовало ждать. Поэтому старший лейтенант Старицын решил отвести взвод чуть глубже, оставив в устье ущелья только отделение младшего сержанта Вацземниекса. Одному отделению там есть возможность спрятаться так, что видно никого не будет, а для взвода места все же маловато.

К месту бандитского костра возвращались без торопливости. Тем не менее чистой тропы, в обычном понимании, здесь не было, приходилось скакать с валуна на валун. А Владиславу Григорьевичу такая нагрузка была противопоказана. По спине сразу потекла струя крови, зна-

чит, открылась рана, и ее снова требовалось обработать. Присев у костра, Старицын позвал санинструктора.

– Хлоргексидин заканчивается, товарищ старший лейтенант, – пожаловался тот. – Рану полноценно нечем обработать. А обрабатывать, я чувствую, придется несколько раз.

– Ты хочешь, чтобы я послал тебя в аптеку? – усмехнулся Старицын.

– Жулудков говорил, что в «схроне» сумки с медикаментами...

– Жулудков! – позвал старший лейтенант, ефрейтор тут же оказался рядом с командиром взвода. – Можно «схрон» разминировать?

– Если есть необходимость, без проблем. Я помню, где минировал...

– Сделай. Нужно сумку с медикаментами достать.

– Лучше всем отойти подальше, – порекомендовал сапер.

– Тогда – только после обеда.

В данном случае командир взвода, по сути дела, жертвовал собой ради того, чтобы накормить своих солдат. Но кровотечение не сильное, и боль можно было терпеть.

Много времени обед не занял. Потом два отделения сменили отделение младшего сержанта Вацземниекса в устье ущелья, а пришедшее отделение пообедало так же быстро, как два других, и опять отправилось на пост. У костра остались только командир взвода, сапер и санинструктор. Ефрейтор Жулудков сразу приступил к работе.

Старший лейтенант уже разоблачился с помощью санинструктора Сапожникова и ждал на холоде с обнаженным мощным торсом, рельефности и объемности которого мог бы позавидовать любой профессиональный атлет. Чтобы не простыть, Старицын просто набросил на плечи бушлат сразу после того, как Сапожников смыл кровь со спины.

Ефрейтор Жулудков уже обрезал провода, ведущие к натяжителям взрывателей, откинул крышку «схрона» и сам полез вниз, откуда подал санинструктору полотняную сумку с красным крестом.

– Что там такое тяжелое... – пожаловался сапер. – Здесь медикаментов на целый госпиталь, кстати, хватит. Ох и запасливые ребята нам встретились... Андрюша, посмотри, что в сумке. Может, в разных сумках разное?

Полотняная сумка оказалась зашитой.

– Натуральная фабричная упаковка, – сказал Сапожников. – На швейной машинке прошивали. И шов даже двойной.

Он своим ножом разрезал мешок, не вскрывая шов, и выпрямился, застыв в недоумении. Выбрался из норы и ефрейтор Жулудков и тоже замер в той же самой позе. Но он быстрее пришел в себя и позвал:

– Товарищ старший лейтенант, посмотрите, что здесь за медикаменты.

– Что там?

– Сами посмотрите...

Пришлось раненому старлею встать и подойти.

Внешне он ничем не показал своего удивления, но приказал:

– Проверьте остальные сумки. Может, все же медикаменты там найдутся.

Первая сумка была битком набита пачками с долларовыми купюрами...

Все же одна из сумок оказалась с настоящими медикаментами, что можно было определить на ощупь. Там были шприц-тюбики с промедолом, хирургические изогнутые иглы и нити для операционных швов, было множество различных ампул и шприцов к ним, множество перевязочного материала. Покопавшись во всем этом богатстве, ефрейтор Сапожников выбрал одну ампулу, обломил конец, набрал содержимое в шприц и сделал укол старшему лейтенанту. Владислав Григорьевич сразу почувствовал, как «блокируется» участок ранения, становится бесчувственным. После этого Сапожников повел себя, как насто-

ящий хирург, выбрал нити, заправил их в иглы и наложил на выходное отверстие от пули крест-накрест два шва. Обработав рану антисептиком, вздохнул:

– Сейчас бы только чайную ложку настоящего меда, и рана затянулась бы уже завтра к вечеру. Мы проверяли на раненом. Через сорок часов рана с медом затягивается. Не зря в старину ратники в поход с собой брали баклажку с медом. Лучшее лекарство. Еще лучше мед с пергой. Перга еще и любое воспаление убирает.

– Я в этом ущелье ни одного улья не видел, – вздохнул Старицын. – Заклеивай, Андрюша...

– Клей тут есть, но он, кажется, послеоперационный, для лежачих больных. Вам, товарищ старший лейтенант, не поможет.

– А мне и простого пластыря хватит.

Санинструктор наложил бактерицидный тампон и приклеил его к спине пластырем. Старший лейтенант воспользовался тем, что местная блокада раны еще не прошла, и самостоятельно начал одеваться. Сапожников хотел было помочь командиру взвода, но тот кивнул головой в сторону «схрона», из которого Желудков вытащил все сумки с красными крестами и вскрывал уже третью:

– Помогите Саньку. Пересчитайте деньги, если получится. Хотя бы пачками, не вскрывая.

– Бежит кто-то, – кивнул в сторону входа в ущелье Жулудков. – Опять, наверное, бандиты пожаловали...

– Пересчитайте, – распорядился Владислав Григорьевич. – Я вам в помощь посыльного оставляю. Потом снова заминируете «схрон». А сумки с «баксами» перенесите на выход, к нам поближе. Там их спрячем. Работайте, я пошел.

Старший лейтенант встретил посыльного недалеко от обеденного костра.

– Товарищ старший лейтенант. С двух сторон по банде подходит. В каждой человек по тридцать. Идут быстро, – доложил тот.

– И хорошо, что идут. Если бы убегали, было бы хуже. Ждать и догонять – хуже ничего не бывает. Иди, помоги двум ефрейторам. А я туда двинулся...

А на месте, где взвод занял оборону, царили деловитое спокойствие и ожидание. Старший сержант Ломаченко невозмутимо ждал вместе с другими, когда пожалуют бандиты, но троих бойцов выслал на двадцать метров вперед, туда, откуда можно было наблюдать за бандитами и контролировать их передвижение. Один смотрел в одну сторону, второй в другую. Третий посматривал и туда, и сюда, но нужен был для исполнения обязанностей посыльного, чтобы без крика и жестов донести весть до командира.

Старший лейтенант Старицын после перевязки чувствовал себя неплохо. Он на всякий случай приготовил для себя еще два шприц-тюбика промедола, хотя знал, что ставить себе сразу два укола этого наркотического препарата рискованно, но если по одному, то можно будет блокировать боль. Может быть, и стрелять будет возможность не с пояса, а прицельно, от плеча. Тем более, при численном превосходстве противника каждый ствол и каждая выпущенная пуля имеют значение. Как раз, когда командир взвода дошел до позиции своего заместителя, от разведчиков отделился посыльный и бегом устремился к командиру.

– Что там? – шагнул старший лейтенант к солдату, едва тот взобрался на огораживающие тропу камни и выпрямился в полный рост.

– Еще одна банда справа. Такой же примерно численности. Догоняет первую бегом.

– Получается, три на одного... Классика!² Но проход узкий, можно выстоять. Я вообще сомневаюсь, что они штурмом пойдут. Нам бы их здесь задержать, а я подкрепление вызову. Звена вертолетов хватило бы, чтобы их всех поджарить НУРСами.

² Классическая военная наука определяет обязательное трехкратное численное преимущество для возможности штурма

Старицын отошел в сторону, вытащил трубку, посмотрел на индикатор заряда батареи. Заряд подходил к концу, хотя позвонить еще можно было, и он сразу набрал номер начальника штаба отряда подполковника Кириллова, но даже гудков не услышал. Решив, что при недостаточном заряде аккумулятора связь затруднена, старший лейтенант громко спросил:

– У кого в трубке хороший аккумулятор? Позвонить нужно срочно.

Вообще-то солдатам в армии настоятельно не рекомендуется иметь трубки, но в спецназе ГРУ обычно не слишком внимательно за этим следят.

– У меня в смартфоне мощный, – шагнул к командиру взвода младший сержант Вацземниекс и протянул свою трубку. – Три тысячи триста ампер-часов. Попробуйте...

Старицын легко справился с сенсорным экраном, но результат был тот же самый. Владислав Григорьевич для проверки набрал номер оперативного штаба Антитеррористического комитета, и опять та же картина.

– Почему-то дозвониться не получается...

– Нет сигнала, – сказал Вацземниекс, посмотрев в монитор. – Надо пробовать. Бывает, на три шага отойдешь, сигнал появляется. – Он сделал пять шагов в сторону, попробовал повторить выбор по уже набранным старшим лейтенантом номерам, и снова безрезультатно. – Попозже попробуем, – со вздохом пообещал он.

Со стороны костра показались два ефрейтора и рядовой. Каждый нес по четыре сумки с красными крестами.

– Сколько? – спросил Старицын.

– Ровно пять с половиной миллионов, товарищ старший лейтенант, – сообщил ефрейтор Сапожников. – Куда ставить?

– Леха! – позвал командир взвода своего заместителя.

– Я! – тут же отозвался старший сержант Ломаченко.

– Бандиты идут сюда вот за этим... – Владислав Григорьевич показал на медицинские сумки. – Там пять с половиной миллионов долларов. Надо все это перепрятать так, чтобы ни одна живая душа не видела и не знала. И чтобы никто не нашел. Работай!

– Товарищ старший лейтенант, здесь не деньги, – поставил одну сумку перед командиром взвода Жулудков. – Посмотрите сами, там по комплектам разложено. Возьмите один комплект, а остальное тоже спрячем.

Старший лейтенант раскрыл сумку. Комплекты были разложены в светло-зеленые пластиковые файлы. Если там все одинаковое, то вполне хватит и одного комплекта, хотя бы для ознакомления.

– Ты смотрел? Что там?

– Карты и планы мест, куда должны были разнести полтонны взрывчатки. С описанием точек заложения, с подробными характеристиками и даже со временем взрыва.

– Понятно...

– И расписание всех соревнований на Олимпиаде в Сочи... – добавил ефрейтор.

Старший лейтенант даже встал от такого сообщения:

– Планы? Сочи?!

– Спортивных объектов Олимпиады.

– Миленькое дельце! – хмыкнул Старицын. – Все слышали? Эти бандиты должны были работать на Олимпиаде в Сочи. И деньги, и взрывчатка, и оружие – все предназначено для одной цели. Наша цель – не допустить их до «норы». Мы уже спасли множество жизней, уничтожив пять звеньев этой банды. Я думаю, что все они разбиты на звенья и у каждого свое задание. Значит, уже на пять взрывов будет меньше. Работаем...

Глава первая

Эмир Аслан аль-Мурари никогда не думал, что зима может быть такой холодной. Он даже представить себе не мог, что можно так постоянно мерзнуть и при этом оставаться в живых. Аслан аль-Мурари, конечно, был человеком грамотным и когда-то даже географию изучал, хотя все выученное давным-давно позабыл. Тем не менее знания о том, что где-то существуют страны, в которых жители даже летом ходят в меховых одеждах, ему запомнились. На Кавказе в меховых одеждах не ходили даже зимой, тем не менее такого холода, как здесь, он в своей жизни еще не встречал. Даже в пакистанских горах, где Аслан аль-Мурари провел последние несколько лет, перед тем как поехать в Сирию. Про Сирию и разговора не было, там климат был близкий к родному. Да и горячие дела не давали замерзнуть даже в период холодных дождей. Правда, дело там по вине союзников, которые обещали поддержку, а на деле ее тормозили, не пошло, и пришлось возвращаться в Пакистан. Кроме того, западные союзники поставляли оружие оппозиции, не стесняясь, а вот отрядам, подобным отряду Аслана аль-Мурари, не выделялось ничего. Он посчитал это несправедливым и сам напал на склад, чтобы довооружить свой отряд. Это вызвало скандал, и отряд отозвали в Пакистан, чтобы не возбуждать определенные слои тех, кто боролся с Асадом. После событий в Египте, когда запретили «Братьев-мусульман», идеологи «Аль-Каиды» решили на время притихнуть и не обострять и без того острую ситуацию. Аслан аль-Мурари думал, что из Пакистана ему вместе с отрядом придется совершать регулярные рейды в Афганистан, тоже холодный, но не настолько, как Кавказ, однако кто-то сверху, думающий за эмира, решил по-другому, и вот весь отряд уже на Кавказе.

Еще там, в Пакистане, аль-Мурари наблюдал издали вершины гор, на которых и летом лежит снежная шапка. А внизу снежный холод совсем не ощущался, там даже снега не было. И это радовало эмира. Он всегда любил солнце и тепло, как человек, родившийся и выросший среди обширных аравийских пустынь.

До аль-Мурари пройти через границу и углубиться в российскую территорию пытались два других отряда. Но оба «засветились» еще на той стороне границы, и их встречали пулеметами и гранатометами. Аслан аль-Мурари оказался умнее. Он свой отряд разбил на шестерки, то есть на звенья, которые потом и должны будут автономно работать там, в России, и переход границы осуществлялся в течение трех суток. Он осуществлялся из двух сопредельных стран, из Грузии и Азербайджана. Но все маршруты передвижения были составлены заранее, и каждое звено имело собственный график передвижения.

При переходе границы эмиру аль-Мурари помогал Камаль Суфатан, умный, хотя и беззастенчивый египтянин, который в своей жизни был в Египте только однажды – он там родился. Впрочем, он и жил там до трех месяцев от роду, а потом его родители перебрались в Америку, где Камаль окончил и школу, и колледж, и университет, и даже, после университета, специальный курс учебного центра ЦРУ в Харвей-Понте, штат Северная Каролина. Суфатан даже обещал как-то аль-Мурари устроить его учиться туда же. Впрочем, дальше обещания дело пока не пошло. Может быть, сам Камаль запямятовал, может быть, оставил дело до лучших времен, а эмир не напоминал ему об обещании. Тот же Суфатан, кстати, посоветовал напасть на склады, чтобы довооружить отряд и сделать его более боеспособным, даже предоставил план складов с указанием того, на каком складе что хранится. А перед отправлением отряда на Кавказ внезапно появился в Пакистане. Конечно, Аслан аль-Мурари информировал свое командование, что Суфатан является офицером ЦРУ, но это, кажется, и без того было известно. А потом Камаль приехал и в Грузию, а затем и в Азербайджан. Он там имел среди пограничников обширные связи и помогал составлять график перехода. И вообще для аль-Мурари стало неожиданностью, что египтянин слишком много знает. И о «схроне» в отдаленном ущелье, и

об олимпийских планах отряда, и даже о сумме оплаты за проведение операции. А на прямой недоверчивый вопрос эмира Камаль улыбнулся:

– А как мне не знать твои планы, если я сам их разрабатывал. Как мне не знать сумму, если я сам «выбивал» ее в Лэнгли³. Не дали бы, если бы не помог сенатор Файнстайн⁴. Он «продавил» приказ...

А аль-Мурари по наивности думал, что это деньги «Аль-Каиды». Хотя о том, что «Аль-Каида» финансируется из-за океана, поговаривали давно. Эмир помнил, как несколько лет назад, когда в США был финансовый кризис, в горах Западного Пакистана остро чувствовалась нехватка в деньгах, и тогда все ругали США за их кризис, который аукнулся так далеко.

Перед тем как Аслану аль-Мурари перейти границу, Суфатан сказал напрямую:

– Четверть всей суммы отводится на твою долю. Иди, заberi и выполни, что тебе приказано выполнить. После выполнения получишь еще столько же. И твои люди получают столько же. Только при условии, что они все сделают и Олимпиада будет сорвана. Повредить следует основные объекты, причем повредить сразу все, что указаны в плане. Тридцать взрывов должны прозвучать одновременно. Это в лучшем случае, как говорят, в идеале. Я допускаю, что спецслужбы России тоже не всегда спят. Но минимальная норма – пятнадцать взрывов. И произвести их следует за две недели до начала, чтобы и мысли не возникло о возможности восстановления. А мы уже постараемся поднять такой шум, после которого ни одна команда не захочет поехать в Сочи. Все национальные олимпийские комитеты желают сохранить свои команды живыми и потому поостерегутся. А для России это будет хорошим уроком...

– Уроком чего? – переспросил аль-Мурари.

– Уроком уважительного отношения к исламу. Или ты не знаешь, что основные соревнования Олимпиады должны проходить в местах, где покоятся кости воинов ислама, на полях сражений, в которых Россия захватывала Северный Кавказ еще в девятнадцатом веке?

– Слышал что-то об этом, – согласился эмир.

– А для нас и для тебя это будет хорошей репетицией похода в северные области России.

– Когда это начнется?

– Когда подойдет время. Пока еще рано. Мусульмане в России еще не горят, а только разогреваются. Но пламя вспыхнет, и Россия перестанет существовать в своем современном виде.

– Халифат?

– Да, халифат разрежет Россию пополам. Когда-то существовало Сибирское ханство. Сейчас русские считают Сибирь своей землей. Но мы восстановим историческую справедливость.

– А зачем Америке нужен халифат? – спросил аль-Мурари, понимая, что историческую справедливость собирается восстанавливать не «Аль-Каида», а США. «Аль-Каида» намеревается только воспользоваться американской помощью, без которой не может существовать.

– Америке нет дела до халифата. Все проще... Америке не нужна Россия... – улыбнулся в ответ офицер ЦРУ.

Аслан аль-Мурари был младшим сыном в большой и богатой семье торговца дорогими автомобилями. И, хотя он ни в чем не нуждался, его тяготило свое место. Весь отцовский бизнес достался старшему брату. Еще два брата были большими правительственными чиновниками королевства, а один занимал хороший пост в армии. Но все старшие братья много и долго учились, получили образование в престижных университетах Европы, тогда как самый младший если и учился, то плохо. Он рос избалованным ребенком и, когда пришло время выбирать

³ В городке Лэнгли штата Виргиния недалеко от Вашингтона находится штаб-квартира ЦРУ.

⁴ Дайэнн Файнстайн – глава комитета Сената США по разведке.

жизненный путь, ничего для себя подходящего найти не сумел. Думал было получить религиозное образование, но не хватило усидчивости и сосредоточенного спокойствия. Из медресе его просто отчислили за неуспеваемость. Но там, во время учебы, он нашел нескольких друзей, которые впоследствии и привели его сначала в Афганистан к талибам, в потом вместе с талибами увели в Пакистан. Там Аслан аль-Мурари и нашел свое призвание. Сначала, когда был простым моджахедом, он ничем себя не проявил. Участвовал в нескольких рейдах в Афганистан и благополучно возвращался назад в приграничную пуштунскую деревню. А потом написал письмо старшему брату, у которого, судя по слухам, дела шли очень хорошо, и брат прислал Аслану крупную сумму, на которую можно было бы вооружить даже свой собственный джамаат, что аль-Мурари сразу же и сделал. Так он стал эмиром, и вдруг оказалось, что у него внезапно открылся организаторский талант. Джамаат аль-Мурари провел несколько стремительных и болезненных для натовских войск операций, что создало эмиру славу и принесло дополнительные деньги. Его действия хорошо оплачивались, как он узнал позже, из американского же кармана. Американским военным было необходимо, чтобы убивали их солдат. И чем больше, тем лучше. Тогда Сенат выделял на военные нужды солидные средства. Если бы солдаты не убивали, то и средства были бы значительно меньшими.

Со временем джамаат разрастался и превратился в целый отряд. А потом его отправили в Сирию, включив в него дополнительно несколько более мелких отрядов.

Сначала, в первый день пути, Аслану аль-Мурари не казалось, что на Кавказе ужасно холодно. Конечно, после дня, проведенного в сложном и стремительном переходе, когда пришлось потрудиться, переставляя ноги, перепрыгивая с камня на камень, перебираясь через скалы, холод еще не ощущался. Он начал ощущаться только ночью. Но и в пустыне ночи даже летом не отличаются теплотой. Песок, прогретый солнцем, к середине ночи остывает и уже не дает привычного тепла. И потому думалось, что и здесь будет то же самое. Однако, не согревшись за ночь, группа, которую возглавлял эмир, а это была самая большая группа, состоящая из двадцати четырех бойцов, с трудом включилась в прохождение дальнейшего маршрута, но и когда включилась, не сразу согрелась. У самого эмира постукивали зубы до тех пор, пока он не начал потеть от трудного пути. К вечеру опять промокла одежда. Хорошо, что из гор каменных вышли в горы, поросшие лесом, и смогли развести костры, чтобы просушить одежду. Просушили, переоделись в сухое. Так ночь далась легче. Осталось совершить два последних перехода.

Несмотря на то что эмир всю ночь спал, повернувшись спиной к костру, он все же замерз так, что снова стучали зубы.

– Я вспомнил, мне рассказывали... – заговорил Субхи, давний помощник из окружения аль-Мурари, бывший борец и вообще физически очень сильный человек. А главное, всегда, при любых обстоятельствах верный своему эмиру. – Завтра утром мы не будем мерзнуть.

– Что тебе рассказывали? – спросил аль-Мурари.

– Не в дорогу вспоминать нечистых, но мне рассказывали, как русские охотники проводят ночь в сибирской тайге. Так у них в Сибири лес называется. Они прожигают большой костер, потом разбрасывают угли по большой площади, прогревают землю, а на эту землю, когда угли потухнут, укладывают еловые ветви и на них спят. И любые морозы им нипочем.

– Хорошая у тебя память. Только вспомнил бы раньше, – поморщился эмир и показал свернутую карту: – Мы через пару часов уже выйдем из лесной зоны и снова будем идти по каменным горам. Там не наберется дров на хороший костер...

– Поищем... – пообещал Субхи. – Хотя бы для своего эмира мы сумеем землю прогреть. А сами потерпим...

В этой фразе был весь Субхи. Он готов был всегда и собой, и своими удобствами, и даже, был уверен Аслан аль-Мурари, жизнью за своего эмира пожертвовать. Про здоровье уже и говорить не приходилось. Впрочем, на здоровье Субхи раньше никогда не жаловался.

Сам Субхи по рождению был иорданцем и в отличие от большинства своих сограждан необычайно мощным человеком, настоящим пехлеваном⁵. Уже на следующую ночь, когда сумели собрать сучья хотя бы для одного большого костра, у которого все сушили свою одежду, разложили потом угли так, чтобы согреть землю, на которой только один человек и мог спать, и все знали, кто будет спать на теплой земле. И командовал всем этим именно Субхи. Однако утром, выйдя на последний участок маршрута, Аслан аль-Мурари, случайно взглянув на своего верного собрата, увидел, что у того горит все лицо и сам он идет, тяжело передвигая ноги и тяжело дыша. Притронувшись ко лбу Субхи, аль-Мурари понял, что у бывшего борца поднялась высокая температура. Иорданцу, как и саудовцу, трудно было привыкнуть к кавказскому холоду, и Субхи простыл. Но он как телом, так и характером был человеком крепким и не подавал вида, что идти ему тяжело. А в середине дня, когда эмиру позвонили и сообщили, что в ущелье, в котором находится «схрон» со взрывчаткой, дополнительным оружием и деньгами, стоит засада российских спецназовцев, уже уничтожившая группы, прибывшие раньше, и эмир объявил всем об этом, Субхи от такого сообщения сразу выздоровел.

Руководители «Аль-Каиды» не зря полагались на эмира аль-Мурари. В него природой были заложены организаторские способности, что он уже доказал в Сирии, когда его отряд значительно, чуть не втрое, вырос в сравнении с тем отрядом, что совершал рейды из Пакистана в Афганистан. Аслан аль-Мурари быстро среагировал на сообщение спасшегося из засады моджахеда и сразу обзвонил все отдельные звенья, идущие к этому ущелью каждое своим маршрутом. Те звенья, что шли из Азербайджана, должны были соединиться с эмиром. А через Грузию шла меньшая часть, потому что со сменой власти в Грузии стало труднее договариваться с пограничниками, да и цену они теперь назначали втрое большую против прежней. А цена всегда зависела от количества человек, которым обеспечивался переход через границу. И потому через Грузию шла только одна треть всего отряда. Две трети шли через более сговорчивый в этом вопросе Азербайджан, который вполне устраивали не только реальные деньги, но и обещание поддержки исламского сообщества в будущей обязательной войне с Арменией за Карабах.

Аль-Мурари дал команду всем звеньям объединяться в отряд. Вернее, в два отряда, потому что та часть, что шла через Грузию, по условиям горных маршрутов, ограниченными сквозными ущельями, могла выйти к нужному ущелью только с другой стороны. Но это было даже лучше. Три стороны контролировались, а четвертой стороны не было, потому что ущелье на карте значилось тупиковым. И спецназ, если вздумает уйти, разграбив и взорвав «схрон», уйти бы не сумел. И только после объединения звеньев эмир всеми силами решительно двинулся вперед. Тех, с которыми удалось соединиться, он погнал быстрым маршем, несмотря на то что моджахедам приходилось нести не только автоматы, но и тяжелое оружие, гранатометы и даже миномет российского производства, добытый в Сирии с армейских складов.

Но минометчикам и гранатометчикам помогали те, что шли рядом. Сам гранатомет нести, понятно, несложно и одному человеку, а вот запасы тяжелых гранат пришлось разделить между бойцами. Но никто не жаловался. У закаленных войной моджахедов жалоба и вообще жалость хоть к себе, хоть к противнику считались позором. На выходе из ущелья отряд встретил тот самый боец, что позвонил с предупреждением. Он шел безоружным, надеясь вооружиться тем, что есть в «схроне», и не мог оказывать сопротивления вооруженным федералам. Но рассказал, как его звено попало в засаду. Причем они видели, как вошло в ущелье другое звено. И никакой стрельбы слышно не было, ничто не предвещало беду, потому и двинулись

⁵ Пехлеван – борец.

сразу за первым без разведки и без сомнения. И только войдя в ущелье и оказавшись в тесном пространстве между скал, один из моджахедов увидел на мерзлой земле лужу крови. А рядом вторую. Лужи были большими, кровь свежая, еще не успела свернуться, и это говорило о том, что здесь только что кого-то убили. Убить могли только тех, кто вошел в ущелье первыми. Убили без звука. Зveno сразу по приказу командира повернуло в обратную сторону. Но выйти из ущелья они не успели. Спецназовцы стреляли, видимо, из автоматов с глушителями. Такая стрельба была особенно жуткой. Выбраться смогли только двое – командир звена и тот, что позвонил. Но у командира звена остался там сын. Он хотел хотя бы проверить, может быть, тот ранен и удастся его вытащить, чтобы оказать помощь, и послал своего моджахеда навстречу эмиру, а сам вернулся за сыном. Больше моджахед своего командира звена не видел. Из ущелья он не вышел. Хотя одна короткая автоматная очередь была слышна. Моджахед подозревал, что командир нашел сына убитым и, решив отомстить, застрелил кого-то из спецназовцев.

Аслан аль-Мурари был не просто хорошим организатором, он был еще от природы хитрым человеком и понимал, что соваться в ущелье без разведки, не зная количества противостоящих бойцов и их вооружения, – глупо. Конечно, предполагать, что там базируется какое-то большое российское подразделение, тоже было наивно, много людей там просто не поместится. И потому следует сначала провести разведку.

– Хамид! – позвал эмир одного из своих людей.

Хамид аль-Таки протиснулся между другими моджахедами, извиваясь змеей, и оказался рядом. Выглядел он седобородым добродушным старичком с посохом в руках, и только те, кто был хорошо знаком с Хамидом, знали, что посох этот имеет особенность разрываться пополам, и тогда в руке Хамида оказывался узкий и острый клинок длиной в локоть. Помимо всего прочего, Хамид был опытным инженером-электронщиком, что вообще было трудно предположить тем, кто принимал его за старика, шаркающего ногами. Но Аслан аль-Мурари знал, что тело инженера-электронщика жилистое и сильное, состоящее, казалось, из одних переплетенных в тугие узлы сухожилий. И вообще, несмотря на седую бороду, Хамиду аль-Таки только недавно исполнилось сорок лет. Этого моджахеда в отряд прислали из «Аль-Каиды», когда отряд уже вел бои в Сирии.

– Я здесь, эмир.

– Хамид, прежде, чем мы покажемся русским федералам, установи свою «глушилку». Иначе они сразу сообщат, сколько нас здесь, и вызовут, если есть необходимость, подкрепление или авиацию, чтобы нас разбомбили. У русских есть хорошие вертолеты, которые невозможно сбить с земли без зенитной пушки. Да и пушкой, говорят, тоже не всегда собьешь. А «стингеры» этим вертолетам не страшны, они их легко сбивают с курса. И ракеты сбивают своими противоракетами, даже простой старенькой «зениткой» их сбивают. Нам хватило бы одного такого вертолета, чтобы всех сразу уничтожили. Так что не дай им установить связь. Это много времени займет?

– Пять минут, эмир.

– Хорошо. Через пять минут приготовь белый флаг и иди на переговоры со спецназом. Я сейчас придумаю, что ты должен будешь сказать.

Вообще-то аль-Мурари уже все придумал, но хотел еще раз проверить себя – нельзя ли еще что-то добавить к задаче Хамида. Но, поразмыслив, пришел к выводу, что спецназовцы переговорщика в свое ущелье не запустят, значит, ничего усложнять не нужно. Сложное всегда плохо понимается, а хорошо понимается и принимается только самое простое и очевидное. Например, приверженность к традициям. На этом аль-Мурари и хотел сыграть.

Хамид аль-Таки вернулся уже через четыре минуты.

– Я все сделал, эмир. И послал двоих на отрог хребта. Они установят «глушилку» на точку, которую я указал, и присоединят клеммы к аккумулятору. На пару километров в округе не будет работать ни один сотовый телефон. – Хамид вытащил из кармана свой смартфон,

посмотрел на монитор и сообщил. – Они еще не дошли. Связь пока есть. Вот... Все... Подключили...

Аслан аль-Мурари проверил свою трубку. Горел сигнал об отсутствии сети. Но эмира беспокоило другое, и этот вопрос требовал прояснения:

– А если у солдат есть рация?

– Сейчас, эмир, даже в армии дураков мало. Никто не хочет с собой тяжесть таскать. Я слышал, в России вообще рации выводят из обихода. Зачем они нужны, если у всех есть сотовые телефоны и смартфоны? Есть даже такие, что шифруют разговоры. То же самое и с «планшетниками». Русские еще летом начали внедрять в своей армии планшетные компьютеры. Через них и связь поддерживают, и еще кучу всяких вещей делают. И даже высокоточные ракеты наводят в нужную точку. А с рацией я ничего не могу поделывать. Мне нужно точно знать диапазон. Если он выходит из частот сотовой связи, как, скорее всего, и должно быть, я не смогу их сигнал заглушить.

– Ладно, передадим решение нашего вопроса в руки Аллаха, – сказал эмир, как обычно обретая в трудной ситуации высокую веру. – Теперь ты пойдешь с белым флагом к русским солдатам. Будешь вести от моего имени переговоры. Если тебя заведут в ущелье, присмотрись. Не заведут, как, я думаю, и будет, не расстраивайся, а передай им мою религиозную просьбу. Честно говоря, я не знаю, кто там у нас уже погиб в ущелье, не помню, какие звенья должны были прийти первыми. Но погибшие достойны уважения всегда. Особенно такие погибшие, которые пользуются общим авторитетом. Ты, Хамид, должен договориться с командиром русских, чтобы нам позволили забрать тело всеми уважаемого человека аз-Мазанхири и мы могли похоронить его в соответствии с нашими обычаями. Если русские согласятся, я пошлю носильщиков. Ты готов идти?

– Как прикажешь, эмир. – Хамид смиренно приложил руку к груди и поклонился. – Я готов. А кто такой аз-Мазанхири?

– Мы с ним вместе в медресе учились. Он и познакомил меня с людьми из «Аль-Каиды», он и привел к ним. Аз-Мазанхири в прошлом году погиб в Сирии. Так пусть же имя его еще послужит правому делу. Бери флаг, Хамид. Пойдем. Мы все вместе проводим тебя до половины дороги. Я сейчас позвоню, чтобы и с другой стороны подошли. При виде таких сил русские будут, я надеюсь, сговорчивее...

Глава вторая

Старший лейтенант Старицын видел два пути дальнейших действий и дальнейшего развития событий. Первый – стать намертво, сцепив зубы и уперев прочно в землю обе ноги, плечом к плечу в устье ущелья и не пропускать бандитов туда. При этом Владислав Григорьевич понимал, что бой предстоит ожесточенный, а для многих его участников это будет последний бой в жизни. И не только потому, что бандиты будут рваться к выполнению своей задачи, что тоже, несомненно, должно присутствовать при их религиозном фанатизме, но и потому, что хотят получить свои деньги. Упускать деньги они не любят. Даже чужие. А за те, к которым мысленно уже успели привыкнуть, будут драться насмерть и не отступят. Следует обязательно учитывать тот факт, что большинство бандитов – наемники, они за деньги в основном и воюют и часто просто прикрываются верой, используя религию в своих целях. И для них, даже при численно большом составе, сумма в пять с половиной миллионов – это огромные деньги, которые могут обеспечить бандитов и их семьи до старости. Пусть сам взвод спецназа погибнет, но и две трети бандитов уложит. Если кому и достанутся деньги, то только тем, кто будет за чужие спины прятаться и так выживет. Но все, как обычно, считают себя бессмертными. Все надеются выжить и получить часть с тех самых пяти с половиной миллионов. Бандитам есть за что драться, поскольку зарабатывание денег – это их профессия. У спецназа другая профессия, основанная на том, чтобы подобных «зарабатывателей денег» на чужой крови уничтожать без жалости, защищая тем самым своих соотечественников и самих себя. Солдаты взвода старшего лейтенанта Старицына эту работу умеют выполнять качественно. За это Владислав Григорьевич готов был поручиться, потому что сам свой взвод готовил и знал как его слабые, так и сильные стороны. Но слабых сторон уже почти не оставалось. Они исправлялись регулярно и целенаправленно.

Есть второй путь, более гибкий, более хитрый, но который, к сожалению, нельзя просчитать полностью, нельзя предвидеть все действия и поступки противника, тогда как незнание этих действий может нести гибель всему взводу. Путь этот расчетливый и рациональный – дать бандитам или части из них прорваться к «схрону». Пусть прорвутся, пусть вскроют «схрон», а делать это они вынуждены будут торопливо, и пусть взорвутся вместе со всем содержимым. Естественно, без денег, которых там уже нет. Мощность взрыва позволяет надеяться, что никого в живых не останется. В дополнение ко всему обязательно будет обвал, который похоронит тех, кто все же каким-то невероятным образом уцелеет при взрыве. Самоуничтожение части бандитов, с одной стороны, облегчит условия боя для спецназа. Но, если рассматривать эту ситуацию с другой стороны, то возникает множество вопросов. Прорыв может привести ко множественным жертвам в личном составе взвода, поскольку проход в ущелье предельно узкий, а спецназ занимает позицию вплотную к стенам в проходе, и отступать ему просто некуда. Велика вероятность того, что бандиты не пожелают оставить у себя за спиной живых спецназовцев. А, пробегая мимо, через камни так легко перебросить гранату, это все равно, что с одной стороны забора перебросить ее на другую. И самому даже лечь при взрыве необходимости нет – камни защищают. И не будешь после этого ждать автоматной очереди в спину.

Третий вариант развития событий, самый благополучный, предполагал появление подкрепления, способного отбросить бандитов. Но, чтобы с уверенностью надеяться на появление подкрепления, следовало наладить связь хотя бы со своим начальником штаба подполковником Кирилловым. Однако связь по-прежнему отсутствовала, и это делало третий вариант развития нереальным. Разве что сам подполковник Кириллов что-то «учухает» своим многократно сломанным носом и пошлет в горы хотя бы закрепленные за спецназом ГРУ вертолеты «Ночной охотник». Два таких вертолета базируются не так и далеко – на военном аэродроме

в Каспийске. А для «Ночного охотника», как говорит само его название, не существует ни ночной темноты, ни плохой погоды. Пилоты там летают, не в «фонарь» кабины выглядывая, а глядя в мониторы. Инфракрасные камеры видят все.

Старший лейтенант Старицын раздумывал, выбирая одно из двух решений, и никак не мог выбрать, какое лучше. И тот, и другой варианты несли в себе как положительные, так и отрицательные моменты. А бандиты приблизились настолько, что два разведчика с передовой линии вынуждены были уйти на общие позиции, поскольку оставаться в самом начале устья ущелья уже стало опасно. Их и выставляли с тем условием, чтобы отойти при приближении опасности. Опасность приблизилась, потому они и отошли.

Но пришли они с вестью. Бандиты, судя по всему, готовились предложить четвертый вариант развития событий – выставили человека с белым флагом. Они хотят предложить переговоры. По крайней мере, переговоры слегка оттягивают разрешение ситуации, и есть надежда на то, что подполковник Кириллов хватится, сообразит что-то, «прочухает» и вышлет подкрепление или вертолеты в помощь. Хотя бы на разведку один вертолет, и это уже было бы спасением для взвода. У вертолета связь основана не на сотовом телефоне, и он может передать необходимые данные кому следует...

Человек с белым флагом в руке шел мелкими шажками, ступая довольно неуверенно. Флагом помахивал с каким-то стеснением, как ребенок маленьким детским флажком на празднике. Остановился он прямо против входа в ущелье. Был он без оружия, кажется, даже стар, по крайней мере, бороду имел седую. Но южные люди рано седеют и рано стареют, хотя и долго живут стариками, и точно определить возраст парламентаря было сложно.

Самым солидным голосом во взводе обладал, конечно, старший лейтенант Старицын, но сейчас Владиславу Григорьевичу кричать было просто больно, к тому же и рана могла открыться от напряжения, поэтому командир взвода толкнул в бок старшего сержанта Ломаченко:

– Спроси поглубже, какого хрена им нужно. Не стесняйся с ними, сразу ставь на место.

Заместитель командира взвода старший сержант Ломаченко от природы был человеком стеснительным и вежливым, сам почти не ругался, поэтому грубить ему было сложно, и старший сержант просто повторил слово в слово вопрос командира.

Седобородый человек с белым флагом что-то прокричал в ответ, но разобрать слова было сложно. Седобородый сам понимал это и решил подойти ближе, а Владислав Григорьевич не хотел показывать, что он ранен, потому послал вперед своего заместителя.

– Не подпускай его близко, чтобы позицию не высмотрел. Выйди к нему, поговори. Если захотят со мной говорить, скажи, что я чаю напился и отдыхаю.

Ломаченко легко спрыгнул на тропу и вразвалочку двинулся навстречу седобородому, на ходу рассчитывая точку встречи. По расчетам старшего сержанта выходило, что седобородый подойдет слишком близко и может увидеть пулеметные точки. Тогда Ломаченко прибавил шаг и встретился с переговорщиком на безопасном расстоянии от своей позиции. При этом не забыл посмотреть по сторонам. Бандиты остановились недалеко. Если что-то в переговорах пойдет не так, они могут перехватить его до момента возвращения. Правда, пулеметчики тоже имеют возможность выступить из укрытий на пару метров вперед и стрелять из-за камней, прикрывая отход старшего сержанта, но он пулеметчиков не предупредил. А сообразят они сами или нет, это было неясно. Хотя мог сообразить командир. И, кажется, сообразил. Обернувшись, Леха Ломаченко увидел, как старший лейтенант Старицын перебежал к пулеметчикам, что-то сказал им и другим бойцам, и два бойца сразу выдвинулись вперед, чтобы держать бандитские передвижения под контролем.

Разговор длился недолго. Обменявшись несколькими фразами, старик и старший сержант разошлись. Старик двинулся на свой левый фланг, а Ломаченко вернулся на свою позицию. Командир взвода встретил его у входа в ущелье и спросил:

– Меня приглашают? Не хотят с тобой говорить?

– Нет, товарищ старший лейтенант, – доложил замкомвзвода. – У них к нам просьба. Они понимают, что мы убили людей, которые были в ущелье. Людей у них много, и всем когда-то предстоит встретиться со смертью. Это я цитирую, а не философствую. Но они просят отдать им одно тело. Среди убитых должен быть человек по фамилии аз-Мазанхири. Они все любили и уважали этого человека и хотят похоронить его по мусульманскому обычаю в день смерти. Только просят нас, христиан, к нему не прикасаться, потому что это будет осквернением, а у них нет столько похоронной воды, чтобы омыwać покойника после осквернения. Но они будут благодарны нам, если мы пропустим четырех их моджахедов без оружия, но с носилками, чтобы они забрали тело убитого аз-Мазанхири. Я от вашего имени дал согласие.

– Дал, и хорошо. Значит, еще время потянем... Аз-Мазанхири... – повторил старший лейтенант. – Может быть, и был такой в первой группе. Вроде бы тот, с которым я разговаривал.

Владислав Григорьевич вытащил из планшета пачку паспортов, поискал, нашел какой-то, посмотрел на фотографию. Но прочитать написанную в паспорте на арабском языке фамилию не сумел. Старший сержант тоже арабского алфавита не знал. Да и никто во взводе не знал. А явное отделение приставки от слова ни о чем не говорило. У арабов это частая история.

– Ладно, – кивнул он. – Я понимаю, что это разведка. Они хотят посмотреть, открыт или нет «схрон», стоит им за него драться, или он уже пустой. Хотя мы вынести «баксы» из ущелья еще не могли. Выйди к ним, скажи, командир разрешил. Но чтобы четыре человека шли спокойно, по сторонам не лезли и не смотрели. Дескать, будет у меня подозрение, что это разведка, прикажу их расстрелять. Я от природы человек недоверчивый и злой. Аз-Мазанхири... Где-то я слышал эту фамилию.

– Аз-Завахири есть. Созвучно. Аз-Завахири после бен Ладана возглавил «Аль-Каиду».

– Может быть, и так. Иди, скажи, пусть приходят и забирают. Всем внимание. Спрятаться так, чтобы никого видно не было. Отделение Вацземниекса сопровождает носильщиков стволами. Открыто и откровенно. Можете не прятаться и даже спуститься на тропу.

Старший сержант Ломаченко пошел к выходу. Командир взвода крикнул ему в спину:

– И скажи им, чтобы подальше от ущелья отошли. Мне не нравится, когда в ответ на мою любезность мне угрожают. Скажи, командир у вас злой и может перестрелять носильщиков...

Солдаты, которых старший лейтенант выдвинул в наблюдатели, знаками дали понять, что требования командира взвода выполняются. Бандиты отходят дальше. Видимо, между двумя частями банды существовала какая-то связь, и не сотовая, потому что Старицын, чтобы проверить, сделал знак младшему сержанту Вацземниексу, тот вытащил трубку, глянул в монитор и отрицательно покачал головой – сотовой связи по-прежнему не было.

Но существуют на свете «глушилки», которые работают как раз в диапазоне сотовой связи и предназначены именно для того, чтобы эту связь глушить. Похоже, командир второго отделения был прав, и бандиты где-то рядом именно такую «глушилку» выставили. Они всегда учатся, всегда стараются подстроиться под противника, и им это хорошо удается.

Старший сержант ушел направо от выхода, туда же, куда ушел старик с белым флагом. И вернулся оттуда же, но только с тремя носильщиками. А четвертый прибежал с левой стороны. Это тоже о чем-то говорило, хотя и непонятно, о чем конкретно. Простой носильщик – это простой боец, оставивший кому-то свой автомат. Таких бойцов полно с каждой стороны. Почему одного взяли из другой части банды? Он знал в лицо аз-Мазанхири? Это самая простая отговорка на случай, если возникнет вопрос. Или этот человек бывал в ущелье и знает, где расположен «схрон»? Второе, скорее, было ближе к истине, потому что не похороны инте-

ресовали бандитов, как был уверен командир взвода, а только «схрон». Или же их интересует количество стволов в отряде спецназа. Но количество стволов им подсчитать в любом случае не удастся. Старицын запретил бойцам двух отделений высовываться из-за камней. Пусть бандиты решат, что здесь только одно отделение. Тем «приятнее» им будет нарваться на целый взвод. Троекратное усиление огневой мощи против ожидаемой сразу остановит бандитов и отбросит назад. Неожиданный удар всегда ощущается сильнее ожидаемого.

Старший лейтенант внимательно посматривал на носильщиков. Все они были примерно одного возраста, в пределах тридцати с небольшим лет. А тридцать с небольшим – это как раз тот возраст, когда мужчины в мусульманских странах начинают задумываться о завтрашнем дне своей семьи, своих детей и стремятся как можно больше заработать для этого. Вопрос в том, умеют ли эти люди, желающие заработать, воевать. Сами они наверняка считают, что умеют, может быть, даже думают, что умеют неплохо, хотя это, как обычно, самообман. Они, может, и могут что-то продемонстрировать против простых солдат армии, против спецназа полиции или ФСБ, но против спецназа внутренних войск уже «не тянут», а против спецназа ГРУ – тем более. Старицын был уверен, что он со своим взводом в состоянии противостоять этой большой банде.

Вместе с носильщиками в глубину ущелья прошли четверо солдат отделения младшего сержанта Вацземниекса и сам командир взвода. Носильщиков довели до трупов, аккуратно уложенных посреди ущелья. Трое осматривали трупы, а один, который прибежал к первым трем с левой стороны, несколько раз бросал взгляды в сторону закрытого «схрона». Труп носильщики нашли. Но выбрали не того, с которым разговаривал старший лейтенант, а самого легкого по весу. Уложили на носилки и понесли. И все это под стволами автоматов спецназа. Произвести какие-то действия, даже если они пронесли с собой спрятанное под одеждой оружие, бандиты никак не могли. На любое подозрительное движение солдаты готовы были ответить очередями. Но бандитам надо было выйти и донести весть до своих эмиров. Их для этого и посылали. Старший лейтенант Старицын еще раз убедился в том, что бандитов интересовал именно «схрон», и в его интересах было выпустить этих четверых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.